

Знаменская против России

[Znamenskaya – Russia] (№ 77785/01)

Постановление от 2 июня 2005 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

В августе 1997 года, на тридцать пятой неделе беременности погиб плод ребенка от удушья в матке заявительницы. В свидетельство о рождении и в книгу записи рождений как отец мертворожденного ребенка был внесен г-н Z., который был мужем заявительницы до их развода. Заявительница утверждает в своей жалобе в Европейский Суд, однако, что биологическим отцом мертворожденного ребенка был г-н G., с которым она совместно проживала с 1994 года. Они не сумели подать совместное заявление об установлении отцовства ребенка, потому что в июне 1997 года г-н G. был заключен под стражу, после чего заявительница не имела возможности видеть его. В октябре 1997 года г-н G. скончался. В августе 2000 заявительница обратилась в районный суд с заявлением об установлении отцовства г-на G. в отношении мертворожденного ребенка и соответственно изменить фамилию и отчество ребенка. В обоснование своего ходатайства она ссылалась на статью 49 Семейного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой если родители не состоят в браке между собой и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка, происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей. При этом суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица. В ноябре 2000 года г-н Z. также скончался. В марте 2001 года районный суд вынес определение по прекращении производства по делу, установив, что статья 49 Семейного кодекса России применяется только в отношении живых детей. Городской суд оставил определение в силе, указав, что вопрос не может быть рассмотрен в гражданско-правовом порядке, так как мертворожденные дети не наделяются никакими гражданскими правами.

Вопросы права

Основу жалобы заявительницы составляет ссылка на то, что ее лишили возможности изменить отчество и фамилию мертворожденного ребенка таким образом, чтобы они отражали его биологическое происхождение от ее покойного сожителя G., несмотря на юридическую презумпцию, что отцом ребенка был ее бывший муж Z. Дело поэтому отличается от тех случаев, когда власти страны отказывают родителям в их выборе имени новорожденного или в их просьбе дать ребенку фамилию матери, а не отца. Не применимо здесь и прецедентное право по вопросу о возможности изменения лицом его фамилии, поскольку мертворожденный ребенок не может считаться наделенным правом на уважение его частной или семейной жизни отдельно от такого права его матери. Памятуя о том, что заявительница, очевидно, имела сильную связь с эмбрионом, которого она выносила почти до полного срока, и что она выразила желание дать ему имя и похоронить его, установление его происхождения, несомненно, затрагивает ее «частную жизнь». Существование отношений между заявительницей и г-ном G. не оспаривалось, и никто

не оспаривал его отцовство. Поскольку ребенок был мертворожденным, установление отцовства по отношению к нему не возлагало ни на кого никаких алиментных обязательств. Очевидно, что не было никаких интересов, находящихся в противоречии с интересами заявительницы. Вынося отказ в ответ на требования заявительницы, суды страны не ссылались на какие-либо законные или убедительные причины для оставления в силе существующего положения. Кроме того, государство-ответчик признало, что суды страны допустили ошибку и что в соответствии с применимыми к ситуации нормами гражданского законодательства требования заявительницы должны были бы быть удовлетворены. Ситуация, при которой юридической презумпции позволили возобладать над биологической и социальной действительностью, без внимания как к установленным фактам, так и к пожеланиям заинтересованных лиц и, фактически, не принося пользу никому, несовместима с обязательством государства обеспечить эффективное «уважение» к частной и семейной жизни, даже учитывая определенную свободу усмотрения, сохраняемую за государством.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу допущено нарушение требований Статьи 8 Конвенции (принято четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против»).

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявительнице компенсацию в размере одной тысячи евро в возмещение причиненного ей морального вреда.